

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ МИРОВОГО СУДА

Анализируется дореволюционный юридический анекдот как исторический источник. Выявляется степень информативности анекдота как источника изучения мирового суда. При этом основное внимание акцентируется на фактографическом и аксиологическом аспектах. Делается вывод, что как источник фактических сведений анекдот не представляет значительной ценности, значение его более велико при изучении отношения населения к мировому суду. Анализ комплекса анекдотов приводит автора к выводу, что в правосознании населения дореволюционной России сформировался позитивный образ мирового судьи.

А.А. ДЕНИЧЕВ

Нижегородская академия МВД России
e-mail: aadem@bk.ru

Ключевые слова: дореволюционный юридический анекдот, исторический источник, мировой суд.

Дореволюционный юридический анекдот является специфическим историческим источником. С одной стороны, это источник – устный, носящий фольклорный характер, с другой – до нас он дошел, в основном, в фиксированной письменной форме. Последнее, лишает исследователя возможности учитывать динамизм анекдота, отслеживать его трансформации при передаче из уст в уста.

Дореволюционный юридический анекдот – явление если не народное в широком смысле этого слова, то порождение определенной социальной группы, отражающее ее менталитет, мировоззрение, правосознание. По этой причине вести речь о персональном авторстве анекдота не вполне корректно, хотя любой анекдот изначально является «творением», как правило, одного, максимум – двух-трех человек.

Социальной средой, где возник и существовал дореволюционный юридический анекдот, по-видимому, является город. Собственно группой-носителем юридического анекдота, скорее всего, являлась городская образованная публика. Говоря о пореформенном периоде, сюда можно отнести лиц юридических профессий (судей, адвокатов, прокуроров, нотариусов, различных служащих суда), журналистов, студентов, а также тот слой, который принято называть «разночинцами». Если профессионалы сталкивались с судом по долгу своей службы или рода занятий, то другие категории оказывались в суде по воле случая, или же заинтересовавшись конкретным процессом.

Не вдаваясь в данное исследование в детали, отметим лишь, что дореволюционный юридический анекдот как, в первую очередь, социальный, а потом уже и фольклорный феномен появляется в России только в 60-е гг. XIX века – вследствие знаменитой судебной реформы 1864 г. Обратим внимание, что в современном понимании анекдот – это короткий смешной рассказ, смешная история. Такие анекдоты и стали предметом нашего анализа.

Интерес именно к юридическому анекдоту обусловлен, в первую очередь, тем, что только в пореформенный период право, закон и справедливость (насколько можно вообще говорить об этих категориях) действительно вошли в жизнь общества, причем всех его слоев. Только после реформы 1864 г. суд в России стал всесловным, публичность и гласность стали основными принципами уголовного и гражданского судопроизводства. Произошел отказ от инквизиционного процесса, канцелярской тайны и формализма. Значительным образом изменилась роль прокуратуры, впервые в отечественной истории стал функционировать институт адвокатуры, были введены мировой суд и суд присяжных.

Ограниченность объема данного исследования не позволяет подробно рассматривать анекдот как источник изучения всей судебной реформы 1864 г. в целом, остановимся лишь на таком ее весьма важном и ставшем практически значимым элементом, как мировой суд. Именно мировой суд оказался наиболее близок к населению, воплотил на практике его чаяния о дешевом, скором и справедливом суде.

Анекдот несет в себе немало информации о судебных преобразованиях того времени, а, точнее, о пореформенном суде. Конечно, как уже отмечалось ранее, в весьма спе-

цифической форме. Вообще, информативность дореволюционного юридического анекдота характеризуется двумя аспектами: фактографическим и аксиологическим.

Остановимся сначала на фактографическом аспекте. В данной статье мы не будем рассматривать анекдот как источник изучения истории повседневности и гендерной истории – это предмет отдельных исследований. Проанализируем лишь, как анекдот сохранил информацию об устройстве и функционировании мирового суда.

Судебные уставы 1864 г. предусматривали наличие двух судебно-мировых инстанций: мировых судей и съездов мировых судей. Мировые судьи (участковые и почетные) являлись низшей судебной инстанцией, как по гражданским, так и уголовным делам. Высшей мировой инстанцией являлся съезд мировых судей, который собирался под председательством одного из мировых судей округа и состоял из всех участковых и почетных мировых судей округа¹.

На практике действовали обе инстанции, однако анекдоты отразили функционирование только мировых судей. Вероятно, это было связано с тем, что большинство дел, интересных для публики, разрешалось уже в первой мировой инстанции.

Дореволюционное законодательство устанавливало комплекс цензовых требований, предъявляемых к мировым судьям, регламентировало процедуру их выборов. Однако в анекдотах это все не отразилось, т.к. эти сюжеты с точки зрения анекдотических фабул малоперспективны.

Единственный ценз, который прослеживается в анекдотах абсолютно явно – половой. Судьями в дореволюционной России были исключительно мужчины. Интересно, что в законе это положение прямо не оговаривалось, однако историческое толкование законодательных актов того времени позволяет утверждать, что законодатель имел в виду исключительно представителей мужского пола.

Судебные уставы 1864 г. предусматривали наличие двух видов мировых судей, различающихся в плане правового статуса, но в сфере судопроизводства, обладавших равными полномочиями.

Принципиальным отличием участкового мирового судьи от почетного было то, что он получал на свое содержание от 1500 до 2200 руб. в год из земского сбора, а также компенсацию за различные канцелярские и прочие расходы. Что касается почетного мирового судьи, то его должность была невознаграждаемой, и различные расходы ему не компенсировались².

Должность почетного мирового судьи, по замыслу авторов Судебной реформы 1864 г., создавалась «для облегчения исполнения многочисленных обязанностей участкового мирового судьи и, в особенности, для того, чтобы лица, заслуживающие полного доверия и уважения, не лишались возможности содействовать охране порядка и спокойствия, не оставляя своей основной службы»³.

Почетный мировой судья, в отличие от участкового, одновременно мог занимать любые должности по государственной и общественной службе. Исключение составляли должности прокуроров, их товарищей, чиновников казенных управлений и полиции, должности волостного старшины. Также почетные мировые судьи выполняли вспомогательно-страхующую функцию: если по каким-то причинам участковым мировым судьям не хватало, то почетные мировые судьи могли приглашаться для выполнения их функций.

Сказанное выше относилось именно к замыслу реформаторов. Но на практике вышло все несколько иначе. Так, Н.Н. Трофимова, изучая архивные материалы, пришла к выводу: «анализ правового положения почетных мировых судей показал, что они были лишним элементом в мировой юстиции. Практическая значимость почетных мировых судей была значительно ниже, чем участковых. Они не стали близким и доступным органом правосудия для населения в силу, во-первых, сложности процедуры обращения к почетным мировым судьям за помощью из-за того, что они в основном находились по месту своей основной службы, а не в своем участке, и, во-вторых, из-за отсутствия к ним доверия среди простого населения»⁴.

¹ См.: Учреждение судебных установлений 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. № 41475. Ст. 17.

² См.: Там же. Ст. 44,45, 50; Приложение IV к Ст. 238.

³ Российское законодательство X – XX веков. Т.8. Судебная реформа / Отв. ред. Б.В. Виленский. М., 1991. С.87.

⁴ Трофимова Н.Н. Мировая юстиция Центрально-промышленного района России в 1864-1889 гг.: генезис, региональные особенности судоустройства и деятельности: Дис... канд. юрид. наук. Владимир, 2004. С. 150.

До нас дошел только один анекдот, где фигурирует почетный мировой судья.

Анекдот № 15

Почетный мировой судья М. за время нахождения в должности разобрал одно дело и притом довольно оригинальным образом, лишившим его охоты продолжать эту мирную деятельность. Дело заключалось в том, что петух мясника Огурцова перелетел во двор мясника Арбузова и был последним пойман, зарезан и съеден. Арбузов отрицал тот факт, отказываясь от уплаты за петуха и таким образом, по жалобе Огурцова, судья М. должен был разобрать это дело.

Тяжущиеся явились своевременно, и М. направил все свое красноречие на то, чтобы окончить дело миром. Однако это не удалось ему. Что было делать, доказательства того и другого казались ему одинаково убедительными, в смущении вертелся он на стуле и грыз перо. Вдруг лицо его радостно просияло, и он обратился к ищцу с вопросом:

– Что стоил петух?

– По крайней мере целковый, – было ответом.

– Ну, – сказал М., – я заплачу вам убыток сам, довольны ли вы этим?

– Нет! – единогласно вскричали тяжущиеся, – а кто же заплатит судебные издержки.

Озадаченный М. жалобно посмотрел на своих мучителей и наконец робко сказал:

– Ну, хорошо, я заплачу и судебные издержки, но теперь дело кончено, идите, друзья мои!

– Постойте, – возразили тяжущиеся, – мы шли сюда издалека и потеряли по целому дню рабочего времени, это стоит не меньше полтины на человека, и если нам этого не заплатят, мы не можем кончить дело миром!

Что было делать несчастному М.? Он заплатил за петуха, судебные издержки и за потерянное тяжущимися время, но в тот же день подал просьбу об увольнении, которая и было вскоре уважена.

Анализируя приведенный анекдот, обратим внимание на весьма важный момент – мировой судья стремился, как это и предполагалось законом, свести дело к миру. Дело в том, что в соответствии со ст. 120 Учреждения судебных установлений 1864 г. мировой судья на всех этапах судебного разбирательства должен был склонять стороны к примирению.

Но главное здесь – указание на то, что почетный мировой судья рассмотрел всего одно дело. Действительно, почетные мировые судьи рассматривали на практике очень немного дел. В официальном Отчете Министерства юстиции за 1867 г. отмечалось, что население предпочитает обращаться за помощью именно к участковым мировым судьям⁶.

Участковые мировые судьи вели работу в рамках определенных судебных участков. Этот факт отразился в анекдотах.

Анекдот № 2

– Иванов! Вы обвиняетесь в краже лисьей ротонды. Что Вы скажете в свое оправдание?

– Меня обвинять в воровстве? Помилуйте, господин мировой судья! Я человек безупречной честности и вдруг стану вором! Тут произошло недоразумение: я по ошибке взял чужую вещь и с удовольствием возвращу ее...

– Но как же Вы могли чужую вещь принять за свою?

– Меня вензеля смутили: на ложках были мои инициалы... простая ошибка!

– Позвольте, причем же тут ложки? Вас обвиняют в краже ротонды!

– Ах, виноват. Я свои защитительные речи перепутал: о ложках мне завтра в 23-м мировом участке придется говорить...

Как видим, в приведенном анекдоте упоминается, что даже в пределах одного города существовало несколько судебно-мировых участков. В настоящий момент дело вошки рассматривается в одном участке, а другое дело будет разбираться в другом. Кстати, этот же анекдот свидетельствует о территориальном характере подсудности.

В ст. 2 Учреждения судебных установлений указывалось, что власть мирового суда (как, впрочем, и всех других судебных органов), распространялась на лиц всех сословий, т.е. носила всесословный (или бессословный) характер. Действительно, в анекдоте № 1

⁵ Тексты этого и следующих анекдотов приводятся по изданию: Антология юридического анекдота /Сост. В.М. Баранов, П.П. Баранов, З.Ш. Идрисов. 2-е изд., перераб. и доп. Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2001.

⁶ См.: Отчет Министерства юстиции за 1867 год. СПб., 1868. С. 15.

упоминается, что спорщиками выступают мещане. Анекдот № 3 свидетельствует, что представители купеческого сословия также судились мировыми судами.

Анекдот № 3

Один адвокат, обеляя бесчинного богатого купца, попавшегося на драке с буфетчиком, называет своего клиента из почтения не иначе, как подобострастным «они-с». А.И. Трофимов долго слушает его с усмешкой и, наконец, прерывает:

– Да, что Вы мне все про анис, да про анис толкуете! Тут, батюшка, не анисом, а ку-тузкой пахнет!

Представители других сословий также были подсудны мировому суду, однако, по непонятным нам причинам, в анекдотах это не нашло отражения.

Мировыми судьями разбирались дела с участием представителей разных национальностей. Например, в анекдоте № 4 одним из фигурантов дела выступает немец.

Анекдот № 4

Судья:

– Господин К., Вы обвиняетесь в том, что вследствие ссоры с Вашим соседом немцем Шмидтом назвали свою собаку его фамилией и назло ему то и дело ее так зовете с добавлением разных прозвищ

Обвиняемый:

– Извините, г-н судья, тут есть свой фокус. Спору нет, что я назвал так мою собаку, но мой сосед Шмит пишется через «т», а моя собака Шмидт пишется через «д», а это большая разница.

Судопроизводство у мирового судьи носило публичный характер, процесс велся устно. Одним из основных видов доказательств при этом являлись свидетельские показания. Это подтверждает большинство приведенных выше и ниже анекдотов.

Рассмотрим, какие именно категории дел были подведомственны мировым судьям. В соответствии с Судебными уставами 1864 г. юрисдикция мирового судьи определялась не конкретными видами преступлений и проступков, а размером наказания, за них полагаемым.

Так, на основании ст. 33 Устава уголовного судопроизводства⁷ к компетенции мирового суда дела, за которые в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, предусматривались следующие меры наказания: 1) выговоры, замечания и внушения; 2) денежные взыскания не свыше трехсот рублей; 3) арест не свыше трех месяцев; 4) заключение в тюрьме на срок до одного года.

Ст. 29 Устава гражданского судопроизводства⁸ определяла, что ведомству мирового судьи подлежат: 1) иски по личным обязательствам и договорам и о недвижимости ценою не свыше пятисот рублей; 2) иски о вознаграждении за ущерб и убытки, когда их размер не превышает пятисот рублей или не может быть точно установлен; 3) иски о личных обидах и оскорблениях; 4) иски о восстановлении нарушенного владения при сроке давности в шесть месяцев. Также мировой судья мог рассматривать просьбы об обеспечении доказательств по искам на любую сумму; решать вопросы о распределении денежной суммы между кредиторами; решать вопросы о разыскании имущества казенных должников; разбирать наследственные дела; вводить во владение недвижимым имуществом; рассматривать вопросы об уничтожении доверенности.

Многие категории дел, подсудные по закону мировому суду, в реальности ими почти не разбирались. Круг их, отразившийся в анекдотах, оказался еще уже, и включал только кражи, драки и оскорбления, имущественные споры на незначительные суммы и некоторые другие.

Стоит отметить, что с точки зрения авторов анекдотов собственно судопроизводственные процедуры особого интереса не представляли. По-видимому, это было связано с тем, что они стали уже своеобразным отработанным механизмом, судебной рутинной.

⁷ См.: Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. № 41476.

⁸ См.: Устав гражданского судопроизводства 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. № 41477.

Зато многие анекдоты отразили новое для России сугобо пореформенное явление – наличие института адвокатуры в виде присяжных поверенных и частных поверенных. Во многих анекдотах фигурируют адвокаты-защитники.

По замыслу законодателя мировой суд должен был быть судом скорым. Ст. 116 Устава уголовного судопроизводства устанавливала, что разбирательство и решение каждого дела должно оканчиваться у мирового судьи, по возможности, в одно заседание. Отметим, что ни один анекдот не свидетельствует о длительности заседаний. Четко складывается впечатление, что дела разрешались достаточно быстро, в один день. Кроме того, мировой судья разрешал в день несколько, а то и несколько десятков уголовных дел и гражданско-правовых споров.

Перейдем теперь к аксиологическому аспекту информативности дореволюционных анекдотов, посвященных мировому суду.

Анекдоты № 3 и 5 носят персонифицированный характер. Они выражают отношение рассказчиков к конкретному мировому судье – Александру Ивановичу Трофимову, являвшемуся в определенное время мировым судьей 3-го участка города Санкт-Петербурга.

Анекдот № 5

Александр Иванович собирался выйти из канцелярии в камеру и начать разбор, тут к нему подскочил какой-то частный поверенный:

– Господин судья, будьте так добры, разберите дело Подметкина и Оглоблевой первым!

– Что же это Вы так торопитесь?

– Ах, да это такое несчастное дело! Я не рад, что и взялся-то за него... То одна сторона откладывает, то другая... семь месяцев тянется, а все не может разрешиться!

– Какой же Вы, однако, нетерпеливый! Ну, что стоит Вам подождать еще два месяца... Тогда будет девять месяцев – как раз срок правильного разрешения от бремени⁹.

Из приведенных анекдотов видно, что в образе мирового судьи А.И. Трофимова не прослеживаются негативных качеств. Вероятно, это связано с тем, что основная задача мирового судьи – решить дело по справедливости на основании закона, примирить стороны, если это возможно. У него нет каких-либо корыстных интересов, как, например, у адвоката. А.И. Трофимов – не циничен и не саркастичен, но остроумен и ироничен. Следует обратить внимания, что ирония А.И. Трофимова – не злая, она не направлена на то, чтобы унижить или обидеть кого-либо. Скорее, она нейтральна касательно правосудия, не имеет к нему, по большому счету, никакого отношения. Вообще складывается впечатление, что как человек А.И. Трофимов симпатичен рассказчику анекдотов, но как мировой судья – он нейтрален, выступая в качестве беспристрастного и справедливого арбитра.

В какой-то мере персонифицированный характер носит и анекдот № 1. очевидно, что рассказчик анекдота (по крайней мере, его автор – точно) прекрасно знали, о ком именно идет речь, и лишь по соображениям этического характера заменили имя на ничего не говорящее современному читателю «М.». Очевидно, что отношение к «М.» – горесудье весьма ироничное, хотя особого негатива, как к конкретному мировому судье, так и ко всему институту почетных мировых судей, не прослеживается.

Несколько иным из анекдотов представляется образ участкового мирового судьи – он вполне положительный. При этом акцент делается не только на практическом значении деятельности мировых судей, но и на их остроумии. Это заметно из анекдотов об А.И. Трофимове и приведенного ниже анекдота № 6.

Анекдот № 6

У мирового судьи в качестве свидетельниц две барышни. Младшая, на вопрос судьи о ее годах, отвечает совершенно спокойно, что ей 28 лет; вторая, старая, высохшая дева, объясняет, после долгого жеманства, что ей 25 лет.

– Очень хорошо, – говорит судья и затем обращается к письмоводителю со словами, – не перепутайте, Алексей Федорович, запомните, что старшая из свидетельниц – младшая.

⁹ Содержание данного анекдота не противоречит тому, что мы говорили о быстроте разрешения дел мировыми судьями. В конкретном случае говорится не о затягивании процесса у мирового судьи, а о том, что дело никак не попадет к судье по независящим от него обстоятельствам.

Мировой судья – близок к народу. Это проявляется в том, что иногда подсудимые забываются и даже позволяют себе некоторую фамильярность в отношении его. Об этом свидетельствует анекдот № 7.

Анекдот № 7

Судья:

– Прошу отвечать мне без фамильярностей.

Обвиняемый:

– Что делать, г-н судья? Я очень скоро привыкаю к людям, а у Вас я уже седьмой раз на этой неделе.

В народном представлении мировой судья справедлив. Так или иначе, он докопается до истины. И неважно, будет ли это в результате тщательного судебного разбирательства, неких случайностей или каких-то других обстоятельств. Так, анекдот № 2 прекрасно иллюстрирует нам забавный случай, как самоуверенный, ловко умеющий врать воришка, попадает на собственной оговорке. Можно не сомневаться, что в данной ситуации у мирового судьи не остается сомнений в нечестности обвиняемого.

Справедливость мирового судьи иногда интерпретировалась в анекдотах весьма специфическим образом:

Анекдот № 8

Перед мировым судьей оборванный субъект. Судья выносит приговор:

– Приговорил на основании таких-то статей к аресту на два месяца. Довольны приговором? Можете в течение суток неудовольствие...

– Зачем неудовольствие, г-н судья? Очень даже доволен, потому Рождество подходит, а у меня кушать нечего. Покорнейше даже благодарю Вас за даровые харчи на два месяца; квартирка бы лучше, коли бы свободная, ну, да ничего-с. Покорно благодарим-с!

Приговор в данном случае вынесен обвинительный, но он (не важно по каким причинам) устраивает подсудимого. Более того, в словах последнего звучит искренняя благодарность без какой-либо издевки. Следовательно, уважением мировые судьи пользовались, порой, даже у осужденных.

Наконец, порой мировому судье приходилось сталкиваться просто с курьезными случаями, но в этих ситуациях, судья по анекдотам, был способен разобраться, а, в случае необходимости, и найти надлежащий выход. Сказанное иллюстрируется анекдотом № 9.

Анекдот № 9

Действие происходит в камере мирового судьи. Судья вызывает обвиняемого. После обычных вопросов об имени, звании и вероисповедании судья предлагает вопрос:

– Под судом не были?

Обвиняемый корчит умильную физиономию и молчит.

– Что же Вы молчите? – спрашивает судья, повышая голос. – Я спрашиваю, под судом не были?

– На одну минуточку-с! – ухмыляясь, говорит обвиняемый.

– Как на одну минуточку? – удивляется судья.

– Так точно-с! Всего на единую, по одной только и пропустили, – щелкая себя по галстуку, говорит подсудимый.

В публичке смех; судья недоумевает. В конце концов, дело разъяснилось. Оказалось, что в подвале здания, где помещался суд, находится кабачок. Перед началом дела обвиняемый, побуждаемый своим «аблокотом», и зашел в этот кабачок «пропустить для храбрости».

Особый интерес в плане изучения аскиологического аспекта информативности анекдота представляет последний приведенный в данной статье, десятый анекдот.

Анекдот № 10

Наслышаны мы об Вас, милостивый государь, что, например, ежели что у мирового, сейчас можете человека отправить.

Адвокат:

– А у Вас дело есть?

Купец:

– Дело, собственно, неважное, пустяки, выходит... Не мы первые, не мы последние... известно, глупость наша...

Адвокат:

– Скандал сделали?

Купец:

– Шум легонький промежду нас был.

Адвокат:

– В публичном месте?

Купец:

– Как следует... при всей публике.

Адвокат:

– Нехорошо!

Купец:

– Действительно, хорошего мало.

Адвокат:

– Где же это было?

Купец:

– На Владимирской... такое заведение там прилажено.

Адвокат:

– В Орфеуме?

Купец:

– В этом самом. (Молчание). Ежели я тепереча, милостивый государь, человека ударю, что мне за это полагается?

Адвокат:

– В тюрьме сидеть.

Купец:

– Так-с! Долго?

Адвокат:

– Смотря как... недели три... месяц.

Купец:

– А ежели я купец, например, в гильдию плачу.

Адвокат:

– Тогда дольше! Месяца два, а то и три.

Купец:

– Конфуз! (Молчание). А ежели он, со своей стороны, тоже действовал и очень даже?

Можно сказать, сокрушить хотел?

Адвокат:

– Да, расскажите мне все, что было. Садитесь. Расскажите по порядку.

Купец:

– Порядок известен – напился и пошел чертить. Вот, извольте видеть: собралось нас, примерно, целое общество, компания. Ну, а в нашем звании, известно, разговору без напитку не бывает, да и разговор наш нескладный; вот, собрались в Коммерческую; ошарашили два графина, на шампанское пошли. А шампанское тепереча какое? Одно только название, что шампанское, а такой состав пьем – смерть! Который непривычный человек, этим ежели делом занимается, с одной бутылки на стену лезет.

Адвокат:

– А не пить нельзя?

Купец:

– Для восторгу пьем. Больше делать нечего. Ну, заправились, как должно, поехали. Путались, путались по Петербургу-то, метались, метались, в Эльдорадо приехали. Опять та же статья, сызнова. Поехали по домам-то, один из нашего общества и говорит: давайте, говорит, прощальный карамболь сделаем, что б все чувствовали, что мы за люди есть. Сейчас на Владимирскую. Мыслей-то уж в голове нет, стыда этого тоже, только стараешься как бы чудней, чтоб публика над тобой тешилась.

Угощать стали. Угощали, угощали, безобразничали. Подошел какой-то не то господин, не то писатель: «Нешто, – говорит, – так возможно? Это, говорит, ваше одно необразование».

Кто с краю из нашей компании сидел, как свистнет его: «Вот, – говорит, – наше какое образование», так тот и покатился. Ну, и поделом. Вся эта нация завизжала! Кто кричит полицию, кто кричит – бей!

Адвокат:

– А Вы били кого-нибудь?

Купец:

- Раза два смазал кого-то... подвернулся.
 Адвокат:
 Прежде Вы за буйство не судились?
 Купец:
 – При всей публике?
 Адвокат:
 – Да у мирового судьи?
 Купец:
 – У квартального раза два судился прежде. Тогда проще было: дашь, бывало, письмоводителю – и шабаш. А тепереча и дороже стало, и страму больше.
 Адвокат:
 – Сраму больше.
 Купец:
 – В газетах не обозначат?
 Адвокат:
 – Напечатают.
 Купец:
 А ежели, например, пожертвовать на богадельню, или куда?
 Адвокат:
 – Ничего не поможет.
 Купец:
 – Беспременно уж, значит, сидеть?
 Адвокат:
 – Я думаю.
 Купец:
 – Все одно, как простой человек, с арестантами?
 Адвокат:
 – Да.
 Купец:
 – Из-за пустого дела! Хлопочи вот теперь, траться... Сейчас был тоже у одного адвоката, три синеньких отдал.
 Адвокат:
 – За что?
 Купец:
 – За разговор. «Я, – говорит, – твое дело выслушаю, только мне, – говорит, – за это пятнадцать рублей и деньги сейчас». Ну, отдал, рассказал все, как следует.
 Адвокат:
 – Что же он?
 Купец:
 – Взял он эти деньги: «Авось, – говорит, – твое счастье будет».
 Адвокат:
 – И больше ничего?
 Купец:
 – И больше ничего! Авось, говорит, счастье будет!

Уникальность приведенного анекдота заключается в том, что он позволяет проследить динамику правосознания: от дореформенного к пореформенному. Следует обратить внимание, что у правонарушителя вызывает ужас сам факт того, что он будет судиться «при всей публике» у мирового судьи. При этом то, что он дважды за то же самое судился у квартального до судебной реформы 1864 г., воспринимается им как нечто обыденное. Очевидно, что попасть под публичный суд теперь просто «стыдно».

Не вполне в данном анекдоте понятен следующий фрагмент: «Тогда проще было: дашь, бывало, письмоводителю – и шабаш. А тепереча и дороже стало, и страму больше». Ясно, что речь идет о том, что «раньше» быть под судом за драку особо постыдным не считалось, ясно, что за взятку письмоводителю дело можно было прекратить. Однако непонятным остается высказывание, что «тепереча и дороже стало». То ли у обвиняемого имеется какая-то информация о коррумпированности мировых судей, о том, что «теперь дороже», то ли это обидное предположение, высказанное от безысходности и типично русского убеждения, что все – воры и взяточники, просто нужно к ним подход найти.

Другие виды исторических источников, как, впрочем, и остальные приведенные девять, анекдотов не только не содержат прямых сведений о коррумпированности мировых судей, но даже и не дают малейшего намека на это. Поэтому, полагаем, что в анекдоте № 10

изначально неясный фрагмент, скорее, свидетельствует о боязни, граничащей с уважением, к мировому суду, нежели о наличии «компромата» в отношении мировых судей.

Подводя итоги данной статьи, попробуем обобщить, какие фактические обстоятельства существования мирового суда нашли отражение в дореволюционных юридических анекдотах, а также смоделировать образ мирового судьи таким, каким он вырисовывается из тех же источников.

Итак, степень фактографической информативности дореволюционного юридического анекдота невысока. Многие аспекты устройства и функционирования института мировых судей не нашли в анализируемом виде источника никакого отражения (порядок формирования мировых судей, требования, к ним предъявляемые, наличие второй мировой инстанции, различные судопроизводственные моменты и т.д.). Некоторые аспекты отразились в неполном или искаженном виде: социальная принадлежность подсудимых, состав дел, подведомственных мировым судам и пр.

Таким образом, сам по себе как источник фактических сведений дореволюционный юридический анекдот не представляет большой ценности. Сведения, в нем содержащиеся, необходимо перепроверять путем сопоставления с другими видами источников.

Значительно большая ценность анекдота имеется при выявлении степени его аксиологической информативности.

В результате изучения анекдотов, посвященных мировым судам, складывается следующий образ мирового судьи. Мировой судья – это судья для народа, он близок к народу и способен решить практически любое дело. Он справедлив, беспристрастен и объективен. Но при этом мировой судья – живой человек, которому присущи различные качества (ироничность, остроумие) и эмоции (недоумение, возмущение поведением других лиц).

Наконец, среди анекдотов о мировых судах нет ни одного, где бы судья предстал в отрицательном свете. Это свидетельствует о наличии позитивного образа мирового судьи в правосознании дореволюционного населения России.

A PRE-REVOLUTIONARY JURIDICAL ANECDOTE AS A SOURCE OF STUDY OF THE JUSTICE – OF THE PEACE COURT

A pre-revolutionary juridical anecdote as a historical source is analyzed. A degree of information of the anecdote, as the source of study of the justice – of the peace court is studying. The main attention is focused on factographical and axiological aspects. The author offer the conclusion that as a source of factual data the anecdote is not of any value; its importance is bigger when our studies the attitude of the population of the justice – of the peace. The analysis of the complex of anecdotes allows the author to conclude that the legal awareness of the pre-revolutionary Russia had a positive image of the justice – of the peace.

Key words: pre-revolutionary juridical anecdote, historical source, justice – of the peace.

A.A. DEMICHEV

*N. Novgorod Academy
of Ministry of the Interior
of Russia*

e-mail: aadem@bk.ru